

КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ РУССКОЙ ПРАВДЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НОВГОРОДА XI в.

Юридические нормы, дошедшие до нас в составе двух списков Новгородской I летописи младшего извода (далее — НПЛ) и известные под названием Краткой редакции Русской Правды, исследуются уже почти 250 лет. Тем не менее использование их в качестве исторического источника затруднено, так как единый взгляд на время и место происхождения этих норм не сложился. Нет окончательного ответа и на вопрос, что мы имеем в летописи под названием Русской Правды: единый юридический кодекс или случайно оказавшиеся вместе самостоятельные документы.

Как известно, В. Н. Татищев, обнаруживший в Академическом списке НПЛ вышеуказанные юридические нормы, увидел в них единый документ, который он разбил на статьи, присвоив им сплошную нумерацию. Название Краткой Правды (далее — КП) закрепилось за ними на основе представления, что текст Краткой отличается от текста Пространной Правды (далее — ПП) главным образом размером и расстановкой статей. Большинство дореволюционных исследователей имели возможность ознакомиться с формой и содержанием того, что называли КП, в основном через публикации, где текст Правды был вырван из летописи. Сама летопись оставалась для них недоступной, так как Академический список НПЛ был опубликован в 1786 г. с сокращениями и текст Правды в нем отсутствовал, а Комиссионный список увидел свет лишь в 1888 г., когда основные точки зрения на КП уже сложились.¹ В силу этих обстоятельств взгляд В. Н. Татищева получил широкое распространение. Вслед за ним единым литературным целым КП с небольшими расхождениями во взглядах на количество источников, положенных в ее основу, считали Н. Ланге, Н. Дювернуа, П. Мрочек-Дроздовский, Н. А. Рожков, А. И. Соболевский, Е. Ф. Карский, Н. А. Максимейко, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, С. В. Юшков, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин.

В наши дни взгляд на статьи 1—41 КП как на цельный документ обосновал М. Б. Свердлов.²

Другой круг исследователей — И.-Ф.-Г. Эверс, Тобин, В. Сергеевич, Л. К. Гётц, И. А. Стратонов — считали, что под названием КП скрыты самостоятельные, не связанные между собой документы, возникшие или одновременно, или в различных землях Древнерусского государства.

¹ В 1888 г. Комиссионный список был использован при переиздании НПЛ в соединении с Синодальным, Академическим и Толстовским. Полный текст Комиссионного списка впервые опубликован лишь в 1950 г.

² Свердлов М. Б. К истории текста Краткой редакции Русской Правды // ВИД. Л., 1978. 10. С. 135—159.

В наше время превалирует взгляд на КП как на единый юридический кодекс, различные по происхождению части которого сформировались постепенно и естественным образом дополняли друг друга. Такой подход не случаен. Если дореволюционные исследователи изучали памятник, опираясь в основном на внешние особенности его текста, то советские историки в своем анализе опирались на марксистско-ленинское представление об общественно-экономическом строе Киевской Руси и путях его развития. Это представление в завершенной для своего времени форме было сформулировано в трудах Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова³ и развито в работах последующих исследователей. Слабым его местом было стремление распространить процессы и закономерности, прослеженные на сравнительно немногочисленных материалах главным образом южного центра Киевской Руси, на всю ее территорию. Киевское государство воспринималось единым, централизованным, прочным, а КП представлялась законодательным памятником эпохи, донесшим до нас отраженные в юридической форме основные этапы формирования и развития феодального общества, единые и одновременные на всей территории Киевской Руси.

В последние десятилетия археологические исследования, в первую очередь в Новгороде, позволили не только создать достаточно детальное представление об особенностях жизни его населения в X—XV вв., но значительно дополнили и расширили круг исторических источников. Изучение их привело к уточнению наших представлений о социально-экономическом строе и путях развития феодализма в Древней Руси. Наиболее значительным в этом плане мы должны признать труд В. Л. Янина «Новгородская феодальная вотчина», где автор, тщательно проанализировав результаты многолетних работ Новгородской археологической экспедиции, привлекая широкий круг разнообразных письменных источников, сделал ряд выводов об особенностях развития феодального землевладения в Новгородской земле.⁴ Он убедительно доказал, что в новгородских условиях широкий процесс развития вотчинной собственности феодализм протекает только с начала XII в., первыми на рубеже XI—XII вв. возникают княжеские вотчины. Основы права боярства распоряжаться черными землями были заложены в период новгородского княжения Ярослава Владимировича, а в окончательном виде государственная боярская собственность на землю складывается в конце XI в. с появлением боярского посадничества, способного в полной мере контролировать систему фиска.⁵

Современное представление о своеобразии экономического развития различных регионов Древней Руси открывает возможность нового понимания и такого важного источника, как КП. Для этого в первую очередь необходимо ответить на вопрос: что мы имеем в тексте летописи — единый юридический кодекс, отразивший по-

³ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949; Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

⁴ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.

⁵ Там же. С. 272, 279—281.

степенный процесс развития общества, или собрание разнородных документов? Для ответа необходимо рассмотреть форму и содержание КП на фоне всего текста НПЛ.

Оба дошедших до нас древнейших списка летописи — Комиссионный и Академический — были созданы в XV в. на основе общего протографа.⁶ Комиссионный написан полууставом первой половины — середины XV в., завершается событиями 1447 г.⁷ Академический список написан полууставом второй половины XV в. и завершается событиями 1441 г.⁸

Наблюдения, проведенные М. Н. Тихомировым над текстом КП в Комиссионном списке летописи, привели его к выводу, что переписчик излагал текст протографа языком, более понятным читателю XV в., но в ряде случаев не понимал переписываемого текста.⁹ Это может быть объяснено определенной поврежденностью протографа уже во время составления Комиссионного списка. К моменту составления Академического списка протограф НПЛ был еще более поврежден как раз в той части, где в нем находился текст Правды. По мнению М. Н. Тихомирова, об этом свидетельствуют пометы «Зри» на полях летописи, поправки, пропуски чистых мест для букв, подчистки уже написанного и следы неуверенности писца в правильности переписываемого им текста.¹⁰ Таким образом, Комиссионный список не намного древнее Академического, но оформление текста Правды в нем может более соответствовать оформлению текста в их общем протографе.

КП в обоих списках летописи является вставкой под 1016 г., где после краткого сообщения о Любечской битве помещен рассказ о конфликте новгородцев с наемной варяжской дружиной Ярослава, изложен сокращенный рассказ ПВЛ об истории борьбы Ярослава за великокняжеский престол, сообщено о наделении новгородцев деньгами, правдой и уставом, а затем следуют те юридические нормы, в которых В. Н. Татищев усмотрел единый юридический документ, названный Правдой Русской.

В летописи имеется и другая примечательная вставка, резко отличающаяся от предыдущего и последующего летописного текста. Под 989 г. в нее включено сообщение о крещении Новгорода и помещены перечни киевских князей, новгородских князей, русских митрополитов, новгородских владык и посадников.

⁶ Два других списка НПЛ — Толстовский и Воронцовский — являются копиями с Академического, снятыми в середине XVIII — начале XIX в. Текст КП в них имеет только орфографические различия.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950 (далее — НПЛ). С. 7—9.

⁸ Там же. С. 9—10.

⁹ Тихомиров М. И. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М., 1941. С. 43.

¹⁰ Там же. С. 43; М. Б. Свердлов (К истории текста. . . С. 151) считает пометы «Зри» следами редакционной работы летописца над текстом КП, с чем нельзя согласиться, так как эти пометы существуют в более позднем, Академическом, списке и отсутствуют в более раннем, Комиссионном. Текст Правды в обоих списках не имеет существенных различий.

Между двумя вставками прослеживается определенное сходство. Только в них в летопись включены, кроме погодных записей, документы, причем введены они в летописный текст при помощи одинаковых приемов; только в этих двух вставках упоминается дарованная Ярославом грамота, по которой должны «ходить» новгородцы. Сообщение об этой грамоте изложено одинаковыми словами.¹¹ Это позволяет считать, что обе вставки принадлежат одному автору и сделаны одновременно.

Вставка под 989 г. может быть датирована. Еще А. А. Шахматов обратил внимание на то, что список великих киевских князей в ней доведен до Ростислава Мстиславича, занимавшего престол в 1159—1166 гг., а в списке новгородских князей ясно прослеживается шов, приходящийся на второе княжение Святослава Ростиславича (1161—1167 гг.).¹² Это позволяет датировать первоначальное составление списков князей и саму вставку под 989 г. 60-ми гг. XII в. К этому же времени можно отнести и включение в летопись материалов под 1016 г.

Автор вставки под 989 г., включая в текст летописи документы, начинает каждый из них специальным указанием — «А се. . .» («А се по святомъ крещени о княжении киевьемъ. . .»; «А се в Новгороде. . .» (далее следует список новгородских князей); «А се рустей митрополиты. . .»; «А се новгородчкыи архиепископы. . .»; «А се число колко есть епискупи в Русе. . .»; «А се посадице новгородчкыи. . .»). Пометы летописца «А се. . .» одинаково присутствуют в указанном месте и в Комиссионном, и в Академическом списках НПЛ, из чего следует, что в оба списка они попали из общего протографа.

Во вставке под 1016 г. пометы «А се. . .» также присутствуют. В Комиссионном списке это выглядит так: «А се есть правда рускаа. . .» (далее следуют статьи 1—18 КП¹³); «Правда уставлена Русской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволод, Святославъ, Коснячко, Перенегъ, Микифоръ Кыяникъ, Чудинъ Микула. . .» (далее следуют статьи 19—41 КП); «А се поконъ вирныи. . .» (далее следует ст. 42 КП); «А сеи урокъ мостъником. . .» (далее следует ст. 43 КП). В Академическом списке указание автора вставки «А се. . .» отсутствует перед заголовком «Правда Русская. . .», но на его месте оставлен пропуск букв, а на полях почерком автора списка стоит приписка «Зри». Как уже отмечалось, по мнению М. Н. Тихомирова, такие пропуски и приписки на полях остались там, где текст протографа имел изъян, восстановить который переписчик полностью не смог. В остальных местах пометы «А се. . .» соответствуют Комиссионному списку.

И в Комиссионном, и в Академическом списках НПЛ перед словами «Правда уставлена Русской земли. . .» указаний автора

¹¹ НПЛ. С. 161, 176.

¹² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 195, 251—252.

¹³ Нумерация статей дается по изданию: Правда Русская. Т. I: Тексты. М., 1940. С. 70—73, 79—81.

«А се. . .» нет, но в обоих списках на предыдущей строке оставлено чистое место, отчего создается впечатление, что автор сознательно начинает текст с новой строки, а в Академическом списке здесь на полях вновь стоит приписка переписчика — «Зри». Отсюда можно сделать вывод, что именно в этом месте в протографе обоих списков указание «А се. . .» перед словами «Правда уставлена Русской земли. . .» первоначально присутствовало, но уже к моменту составления Комиссионного списка текст имел повреждение, которое оба переписчика не смогли восстановить, оставив здесь в составляемых списках чистое место, причем переписчик Академического списка не сумев восстановить непонятные ему буквы, специально указал на это.

Сравнение оформления текстов вставок под 989 и 1016 гг. позволяет сделать вывод, что автор их во втором случае, как и в первом, не только понимал, что он включает в летопись четыре самостоятельных документа, но и специальными приписками отделил их друг от друга. По внешним признакам в летописном тексте выделяются: «Правда Русская» (статьи 1—18 КП), «Правда Русской земли» (статьи 19—41 КП), «Покоя вирный» (ст. 42 КП), «Урок мостникам» (ст. 43 КП). Для проверки этого наблюдения необходимо определить, могут ли быть выявлены прослеженные нами документы путем анализа содержания КП.

Почти все изучавшие ее состав и происхождение обращали внимание на черты, отличающие содержание первых 18 статей от последующего текста. К их числу относили особое место князя и особую картину общества в указанных статьях (Л. К. Гётц), особую терминологию (Н. А. Максимейко, М. Н. Тихомиров), сходство норм с Законом Русским (Б. Д. Греков), отсутствующие в последующем тексте, существование в КП двух одинаковых статей (статьи 2 и 30), что возможно только при наличии в ее составе по крайней мере двух самостоятельных документов (М. Ф. Владимирский-Буданов). Отмеченные отличительные особенности первых 18 статей КП позволяют видеть в них самостоятельный документ, а стоящие перед ним слова «Правда Руская» или «Правда Роськая» можно считать несколько искаженным переписчиками его подлинным названием.

Обращаясь к содержанию оставшейся части КП, вспомним, что в прошлом исследователи, выделявшие в ней один (В. Н. Татищев, Н. Дювернуа, Л. К. Гётц), два (И.-Ф.-Г. Эверс, Тобин, П. Мрочек-Дроздовский, В. И. Сергеевич, Н. А. Рожков, М. Н. Тихомиров) или три (Н. Ланге, И. А. Стратонов) документа, начальной ее границей считали заголовок «Правда уставлена Русской земли. . .».

В 1907 г. подлинность заголовка поставил под сомнение П. В. Голубовский, посвятивший ему специальное исследование.¹⁴ Он пред-

¹⁴ Голубовский П. В. Критико-библиографический обзор трудов по древнему периоду русской истории // Университетские известия. Киев, 1907. Август. С. 60 и сл. В наши дни М. Б. Свердлов, исходя из собственной аргументации, объясняет присутствие в тексте единого, по его мнению, документа, двух одинаковых статей (статьи 2 и 30) и заголовка Правды Русской земли ошибкой, допущенной при переписывании или редактировании КП (Свердлов М. Б. К истории текста. . . С. 155, 158).

ложил считать заголовок обычной юридической статьей, идентичной ст. 2 ПП, заменявшей кровную месть денежным выкупом, но искаженной при переписке и утратившей юридический смысл. Это мнение, таким образом, уничтожало границу между двумя частями КП. П. В. Голубовский прав только в том случае, если ст. 2 ПП действительно содержит в себе юридическую норму. Ее текст гласит: «По Ярославле же паки совокупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенегъ, Никифоръ и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все якоже Ярославъ судил, такоже и сынове его уставиша». Рассмотрев его, мы должны прийти к выводу, что юридических норм в данном тексте нет. Перед нами вольное изложение информации о съезде Ярославичей после смерти отца и описание содержания деятельности князей на этом съезде. Для составления информации сводчик воспользовался заголовком Правды Русской земли и бывшими в его распоряжении дополнительными сведениями о съезде. Ст. 2 ПП следует за ст. 1, в которой сохранено «убиение за голову». Все последующие статьи (начиная с третьей) исключают эту меру. Логика ПП требовала разъяснения, куда делось «убиение», что составитель Правды и сделал, поместив между первой и третьей статьями рассказ о съезде Ярославичей.

Л. К. Гётц высказывал мнение, что слова «Правда уставлена Русской земли. . .» действительно начинают новый документ, но с ним не связаны, так как являются позднейшим припоминанием, возникшим на основе той же ст. 2 ПП. Свой взгляд он обосновывал более правильным — в порядке старшинства — перечислением участников съезда и соответствием между числом князей и их мужей в ПП.¹⁵ Доводы Гётца убедительно опровергли М. Ф. Владимирский-Буданов и Н. А. Максимейко, указавшие, что в заголовке Правды Русской земли число мужей — участников съезда — превышает число таковых, упомянутых в ПП, что в КП дополнительно записан не выдуманный, а живой человек, что по прошествии времени сделать было уже невозможно, и само добавление не имело смысла.¹⁶

Поддерживая это мнение, мы должны отметить, что «правильная» расстановка князей в ПП говорит лишь о том, что сводчик пользовался списком Правды Русской земли, не зависящим от текста, приведенного в НПЛ. У нас нет оснований считать заголовок Правды Русской земли искаженной статьей или позднейшей вставкой. Он является границей, разделяющей различные по содержанию юридические нормы, потому что с него начинается новый документ, отмеченный в протографе НПЛ заглавной киноварной буквой.

В поисках конечной границы этого документа И. А. Стратонов, исследовавший статьи 19—43 КП, выделял среди них дополнительные статьи или Уставы: Покон вирный (ст. 42) и Урок мостникам (ст. 43),

¹⁵ Goetz K. L. Das Russische Recht. Stuttgart, 1912—1913. Bd II. S. 248.

¹⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Рецензия. Das Russische Recht д-ра Л. Гётца // Университетские известия. Киев, 1912. Т. II. № 10. С. 7; Максимейко Н. А. Опыт критического исследования Русской Правды. Вып. 1: Краткая редакция. Харьков, 1914. С. 33, 35, 38, 72, 77 (примеч.), 85.

т. е. сам текст Правды Русской земли, по его мнению, завершился ст. 41.¹⁷ До него Н. Ланге такой же дополнительной статьей считал и саму ст. 41.¹⁸ Близкой точки зрения придерживался М. П. Тихомиров, относивший ст. 41 к Покоу вирному.¹⁹ Установить конечную границу Правды Русской земли таким образом можно, определив, куда относится ст. 41. Для этого необходимо уяснить ее содержание и сравнить его с Поконом вирным.

Ст. 41 посвящена распределению установленных предшествующим текстом закона (статьи 19—40 КП) судебных штрафов между участниками суда. Таких участников три — князь, мечник, емец. Четвертым участником дележа выступает церковь. Участие князя в разделе штрафов понятно, но кто такие мечник и емец? В. Л. Янин, специально рассмотрев вопрос о мечнике и емце в связи с находкой в Новгороде самого раннего упоминания о них на деревянных цилиндрах, служивших для маркировки завязанных мешков с долями дохода, предназначавшимися князю, мечнику, емцу, пришел к выводу, что мечник — это административное лицо, причастное к княжескому суду, возможно воин, член младшей дружины, не входивший в ближайшее окружение князя. Сам термин «мечник» тоже не случаен, так как обозначение его на найденном в Новгороде цилиндре № 5 сопровождается изображением меча. Сравнив сообщение о емце в КП с надписью на цилиндре № 1 и упоминанием о «куномемце» в договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 20-х гг. XIII в., В. Л. Янин сделал вывод, что емец изымал куны — судебные штрафы и был тождествен вирнику.²⁰

Если представление о мечнике как должностном лице, причастном к суду, и емце как собирателе судебных штрафов не находит возражений, то тождественность емца вирнику может быть признана только тогда, когда мы сможем точно установить, что вирник КП собирал именно судебные штрафы. Прежде чем сделать это, обратимся вновь к ст. 41 КП.

Вся история судебных организаций различных времен показывает, что любой суд может функционировать только при наличии трех слагаемых: судьи, судебных приставов, обеспечивающих привлечение преступника к суду, и судебных исполнителей, обеспечивающих исполнение судебных решений. В данном случае перед нами все три необходимых слагаемых суда Правды Русской земли: судья — князь, судебный пристав — вооруженный мечник, судебный исполнитель — емец. Следует отметить, что для исполнения обязанностей мечника требуется специальное должностное лицо, а обязанности емца может исполнять любой государственный чиновник — тот же

¹⁷ *Стратонов И. А.* К вопросу о составе и происхождении Краткой редакции Русской Правды // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1920. Т. 30. Вып. 4. С. 406.

¹⁸ *Ланге Н.* Исследование об уголовном праве Русской Правды // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1858. Кн. 1. С. 1—4.

¹⁹ *Тихомиров М. П.* Исследование о Русской Правде. С. 70.

²⁰ *Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 139, 143.

мечник. На это есть указание в ст. 40 КП («...а хто изымал тому 10 резан»), означающее, что круг изымающих может быть достаточно широким. Не случайно в ст. 1 КП, в перечислении государственных должностей, мы видим мечника, но не видим емца. Мечник здесь, кстати, четко отделен от гридей. Если видеть в гридах младшую княжескую дружинну, то членом ее мечник не является, это особое должностное лицо.

Статьи 19—40 Правды Русской земли устанавливают размер штрафов за преступления, и помещение в конце этой Правды норм распределения суммы штрафов между участниками суда вполне логично и естественно. Правда таким образом приобретала законченность и решала весь основной круг вопросов, который мог возникнуть в судебной практике.

Обращаясь к Покону вирному (ст. 42 КП), вспомним, что большинство исследователей видели в вире только судебный штраф, а в вирнике — чиновника, собирающего штрафы, т. е. емца. Это мнение опиралось главным образом на статьи 9 и 10 ПП, где помещены Поконы вирные, действовавшие, по утверждению составителя, при Ярославе Владимировиче. В них указаны нормы довольствия вирника, размер накладных расходов и подношений, близкие известным нам по ст. 42 КП, и установлена доля, причитающаяся вирнику от штрафов за убийство, в 40 и 80 гривен, составляющая пятую часть изымаемой суммы. Вирник здесь, вне сомнения, выступает в качестве емца. Положения ст. 42 КП имеют, однако, ряд особенностей. Установленный в ней размер виры — 60 гривен — не имеет аналогий среди судебных штрафов ни в КП, ни в ПП. Покон определяет срок ее сбора (до «недели»), в то время как срок выплаты штрафа в 40 гривен за убийство, даже если он выплачивается крестьянской общиной, точно не установлен: «Которая ли вервь начеть платити дикую веру, колико лет заплатить ту виру...» (ст. 4 ПП). Собираемая сумма — 60 гривен — не подлежит разделу, и вирнику из нее ничего не причитается. Разницу между ст. 42 КП и статьями 9 и 10 ПП мы не можем объяснять временными различиями: ссылка на Ярослава в указанных статьях обеих Правд заставляет нас признать их положения одновременными. Но в этом случае вирник ст. 42 КП собирает не штрафы, а дань, подати, налоги — заранее установленные платежи в определенном округе в пользу государства. Вира, таким образом, — любой платеж в пользу государства, а судебный штраф, идущий князю и подлежащий затем разделу между членами суда, — лишь одна из ее разновидностей. Использование одного термина для обозначения двух похожих, но все-таки различных видов деятельности государственных чиновников может означать, что оба они могли осуществляться одновременно одним лицом, т. е. вирник — сборщик даней в том же податном округе мог выступать и в качестве вирника — емца. Вирник ст. 42 КП в качестве емца не выступает.

Если статьи 19—41 Правды Русской земли взаимосвязаны между собой, то ст. 42 выпадает из их ряда, она содержит особое уставление о налогах, не имеющее отношения к суду. Это означает, что конечная граница Правды Русской земли проходит перед ст. 42 КП. Далее

следует самостоятельный документ, перед которым стоит указание летописца «А се покон вирный. . .». Отсутствие киноварной буквы в начале этих слов, в отличие от заголовков двух предшествующих документов, может быть связано с тем, что Покон вирный не самоназвание документа, а краткая характеристика его содержания, данная летописцем при включении документа в летопись.

М. Н. Тихомиров включал в Покон вирный и ст. 43 КИ, озаглавленную летописцем «А се урок мостником. . .». Думается, что делать это нельзя, так как ст. 43 представляет собой не регламентацию поступления государственных доходов, а нормы расхода государственных средств на строительство и ремонт «моста». Не ставя на данном этапе исследования задачу определить, о каком «мосте» идет речь, мы должны признать, что нормы ст. 43 к суду, судебным штрафам и государственным налогам отношения не имеют и не могут непосредственно связываться ни с Правдой Русской, ни с Правдой Русской земли. Перед нами особый самостоятельный документ. Отсутствие киноварной буквы в его летописном заглавии может объясняться так же, как и в случае с Поконом вирным.

Рассмотрев в общих чертах содержание юридических норм, вставленных в НПЛ под 1016 г., мы должны утвердиться в выводе, что они представляют четыре различных, не связанных между собой документа. Для использования их в качестве источника необходимо установить время, место и причину возникновения каждого из них.

Наиболее легко эти вопросы решаются в отношении Урока мостникам. Сам факт существования такого «урока» и фиксации в нем норм расходования государственных средств говорят, что строительство и поддержание «моста» является постоянным и важным государственным делом. При этом речь не может идти о регламентации мостостроительства на территории всего Древнерусского государства, документ, вне сомнения, должен носить локальный характер. И. А. Стратонов считал, что имеется в виду мост через реку Волхов, и связывал происхождение «урока» с Новгородом.²¹ М. Н. Тихомиров склонялся к мнению, что речь может идти о многочисленных малых мостах Новгородской земли и мостовых, упоминаемых в летописи и обнаруженных в раскопках А. А. Строкова и В. А. Богусевича в Новгородском кремле.²² С. В. Юшков указывал на мост, построенный Владимиром Мономахом через Днепр, и связывал Урок мостникам с Киевом.²³

Приведенные точки зрения не объясняют, почему расходы на ремонт одного или нескольких мостов получили законодательное закрепление. Тем более из практики известно, что деревянный мост через реку даже при современном его использовании нуждается в ремонте через 3—4 года, а замена городни (в значении устоя речного моста) происходит не чаще, чем раз в 10—15 лет. Вместе с тем

²¹ Стратонов И. А. К вопросу. . . С. 432.

²² Тихомиров М. Н. 1) Исследование о Русской Правде. С. 74; 2) Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 85—86.

²³ Юшков С. В. Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 287—288.

в Новгороде, и пока только в нем, археологическими раскопками вскрыты мостовые, представляющие собой общегородскую систему, формирование которой было хорошо прослежено на Неревском раскопе. Установлено, что все мостовые города обретают одинаковую конструкцию и превращаются в единую систему с 25-го яруса, датированного 1006 г. До этого времени хорошие мостовые прослежены только на отдельных участках Великой и Козьмодемьянской улиц, в других частях раскопа обнаружены более примитивные мощения. П. И. Засурцев считал, что именно с мероприятиями 1006 г. нужно связывать регламентирование устройства мостовых Новгорода.²⁴ Представляется, что Урок мостникам и явился таким актом, который признавал мощение города делом государственным, для чего устанавливал размер выплат за ремонт и строительство городских мостовых, ограничивая сумму расходов необходимостью ремонтных и строительных работ. Датировать этот акт на основе археологических материалов мы можем временем, близким к 1006 г., т. е. эпохой новгородского княжения Ярослава Мудрого.

В литературе высказывалось мнение, что под мостником нужно понимать не строителя мостовых, а специального чиновника, ведающего устройством и починкой мостов.²⁵ Делалось это со ссылкой на ст. 97 ПП, где приведены почти те же нормы расхода государственных средств, но указано, что мостник должен ехать на двух конях, с отроком, получать «4 лукна овса на неделю, а есть что можеть».

Понять это указание можно, обратившись к «Уставу Ярослава о мостех», из текста которого ясно, что в мощении улиц Новгорода принимают участие не только жители города, но и широкий круг населения Новгородской земли.²⁶ Ст. 97 ПП, таким образом, не только определяет расценки на строительство мостовых, но дополнительно указывает, с чем должен прибыть мастер для производства работ, какие обязательства берет на себя город, т. е. конкретизирует мостовую повинность жителей Новгородской земли. Мостник получает плату за выполненный объем работ, ему не полагается кормления — мостник здесь не может быть чиновником. Порядок, отраженный в ПП, нужно признать более поздним, в Уроке мостникам ППЛ мостовой повинности мы не видим.

Определяя время и место возникновения Покона вирного,помним, что И. А. Стратонов с опорой на приписку в конце Покона — «. . . то ти урокъ Ярославль» — связывал его происхождение с Ярославом Владимировичем и датировал 1036 г.²⁷ М. Н. Тихомиров считал Покон вирный документом относительно позднего происхождения. Указывая на три термина — «овен», «говение», «неделя», — характерных, по его мнению, для церковных памятников XI—XII вв., а также считая установленную Поконом сумму сбора сбором с населения небольшой, конкретно известной территории, близкой по

²⁴ Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967. С. 86.

²⁵ Калачев Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. 2-е изд. СПб., 1880. Вып. 1. С. 127.

²⁶ Российское законодательство X—XX веков. Т. 4: Законы Древней Руси. М., 1984. С. 236—248.

²⁷ Стратонов И. А. К вопросу. . . С. 412.

размеру церковной десятины повгородской епископии XII в., он предложил видеть в Покопе вирном Устав церковной вотчины, приспособленный позднее для гражданских нужд. Ссылка на Ярослава в конце текста, по его мнению, должна была придать больший авторитет документу и являлась позднейшей.²⁸

С. В. Юшков не поддержал этих мнений и видел в Покопе документ киевского происхождения, представляющий собой постановление Ярослава, возможно, замыкавшее собой Правду Ярослава и лишь при составлении КП отделенное от нее и отодвинутое в конец документа.²⁹

Покоп вирный КП устанавливает норму сбора — «60 гривенъ и 10 резанъ и 12 веверици, а переде гривна . . .» — и определяет размер «кормления» вирника в натуральном выражении на 15 кун в неделю. По аналогии с накладными расходами ст. 9 ПП, в соответствии с денежным счетом КП, 10 резан Покона вирного можно воспринимать как «перекладное» вирнику, 12 вевериц — как плату помощнику вирника — метельщику, 1 гривну «переде» — как ссадную гривну. Эти платежи собираются сверх виры и являются денежным дополнением к «кормлению» вирника и его помощника. Сама вира — 60 гривен — может представлять дань только со сравнительно небольшой территории, т. е. местности, где действовал Покоп вирный, должна была быть разбита на податные округа.

Нам известны две развитые системы сбора дани: южнорусская — в форме княжеского полюдья, размер которого зависел от результатов хозяйственной деятельности населения и не мог быть регламентирован, и северная — система погостов. До них на юге существовали дани «от дыма» и «от рала», а на севере — «от мужа». Порядок, прослеживаемый в Покопе вирном КП, ближе новгородской системе погостов.

Термин «погост» объединяет в себе два значения: это своеобразный административный центр, место суда и сбора дани, и территориальный округ, в котором собирается дань. Первое упоминание о даних в Новгородской земле мы находим под 854 г. в ППЛ, когда дань собирается в пользу варягов «от мужа по беле и веверице».³⁰ Под 1018 г. в ПВЛ упоминается сбор чрезвычайного налога, проводимый по инициативе новгородского боярства для оказания материальной поддержки Ярославу в его борьбе за киевский стол: «. . .начаша скотъ събирати от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривен, а от бояръ по 18 гривен. . .».³¹ Здесь перед нами по-прежнему старый принцип сбора дани — «от мужа». Известно, что еще Ольга установила «погосты и дань по Мсте», но прослеженная нами система сбора дани в IX—начале XI в. позволяет видеть в этих погостах не податные округа, а места сбора дани.

В Покопе вирном не прослеживается какая-либо зависимость установленной дани от количества населения в округе, от результа-

²⁸ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. С. 71—72.

²⁹ Юшков С. В. Русская Правда. С. 311.

³⁰ ППЛ. С. 106.

³¹ ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 143.

тов его хозяйственной деятельности. Это позволяет утверждать, что в данном случае дань является не полюдьем, не подушной податью, а платой за фонд земли, находящийся в пользовании населения податного округа, т. е. в Поконе вирном нашли отражение государственная собственность на землю и земельная рента в форме дани.

Определенная Поконом система, как мы видели, не могла существовать в Новгородской земле до 1018 г. Известно также, что к началу XII в. в официальных документах произошла замена термина «резана» терминном «куна».³² Так как в Поконе вирном КП мы встречаем резаны рядом с кунами, документ нельзя датировать временем позднее конца XI в. В летописном материале в рамках XI в. упоминается только один документ, связанный с перестройкой системы дапей. В Софийской I летописи под 1035 г. сообщается: «Великий князь Ярославъ иде въ Новгородъ и посади сына своего Володимера в Новгороде, и епискупа постави Яжиряту; и людемъ написа грамоту, рекъ: „по сей грамоте дадите дань“».³³ Визит Ярослава в Новгород прослеживается и в ПВЛ под 1036 г.³⁴

М. Х. Алешковский со ссылкой на приписку в сообщении ПВЛ под 882 г.: «...се же Олегъ нача города ставити и оустави дани Словеномъ Кривичемъ и Мери и устави Варягомъ дань даяти от Новгорода гривень 300 на лето мира доля еже до смерти Ярославле даяше Варягомъ» — считал, что в 1036 г. Ярослав специальной грамотой восстановил дани Новгорода Киеву, которые он сам, будучи новгородским князем, перестал платить в 1014 г.³⁵ С этим нельзя согласиться, так как из сообщений НПЛ и ПВЛ под 1014 г. мы знаем, что новгородская дань Киеву делилась на две части: 2000 гривен направлялись в Киев (именно их перестал выплачивать Ярослав), а 1000 гривен князь-посадники расходовали на содержание гридей в самом Новгороде. В. Л. Янину принадлежит ценное наблюдение, что 300 гривен, упомянутые под 882 г., и 1000 гривен, расходованные в Новгороде, представляют одно и то же количество серебра, выраженное в разных денежно-весовых единицах (фактический вес 300 киевских гривенных серебряных слитков равен фактическому весу 1000 новгородских серебряных гривен XI—XII вв.).³⁶ Это означает, что на дань, упомянутую под 882 г., политический демарш Ярослава в 1014 г. не распространялся: в Киев эти деньги никогда не шли. Следовательно, приписка о выплате дапей новгородцами «до смерти Ярослава» касается внутренней жизни Новгорода и не может рассматриваться как аргумент в пользу восстановления новгородских дапей Киеву.

³² Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956. С. 40—41, 161.

³³ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 136.

³⁴ ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 150.

³⁵ Рукопись неопубликованной статьи М. Х. Алешковского «Правда Ярослава» как памятник взаимоотношений Новгорода и князя» хранится на кафедре археологии МГУ.

³⁶ Сообщение В. Л. Янина на Новгородском семинаре кафедры археологии МГУ в октябре 1985 г.

Визит Ярослава в 1035—1036 гг. преследовал цель в очередной раз получить поддержку Новгорода, теперь в борьбе против печенегов.³⁷ Во время визита была изменена система сбора дани в самой Новгородской земле.

В XI в. здесь мы знаем только один город, своими размерами, населением и организацией жизни принципиально отличавшийся от сельской округи, — сам Новгород. По археологическим материалам его население в рассматриваемое время делилось на усадьбовладельцев — бояр и зависимых от них людей, живших на припадлежавших боярам усадьбах. Картина сбора дани, нарисованная в Поконе вирном КП (недельный срок сбора, 4 коня для вывоза дани, сам факт ее вывоза, корм вирникам, денежные подпошения), показывает, что введенный им податной округ не мог размещаться в городе, а был приспособлен для сельской местности. Это означает, что новая система сбора дани, охватывая всю территорию Новгородской земли, не распространялась на городское население. Выход же городского населения из новой податной системы государства был равноценен освобождению новгородского боярства от государственных налогов. Отсутствие в эпоху Ярослава у новгородского боярства земельных владений в форме вотчин объясняет нам, что могло стать поводом для такого шага со стороны великокняжеской власти. Если установленный Поконом порядок сохранялся и в условиях широкого развития вотчинного землевладения, «дарованный» Ярославом документ должен был рассматриваться как очень важная льготная грамота новгородскому боярству. Появление этой грамоты было не результатом борьбы против князя, а следствием решительной помощи новгородского боярства Ярославу в 1016, 1019 и 1036 гг. Достаточно много информации мы имеем о времени и месте возникновения документа, озаглавленного в летописи «Правда уставлена Русской земли. . .». Вслед за заголовком самого документа ст. 2 ПП приписывает его «уставление» трем сыновьям Ярослава Мудрого, которые после его смерти «паки» собрались и записали законы, действовавшие при отце, заменив в них смертную казнь (убиение за голову) денежным штрафом. Мы уже видели, что ст. 2 ПП является позднейшим, но очень конкретным припоминанием, которое не противоречит заголовку самой Правды Русской земли.

Н. Ланге, ссылаясь на присутствие «паки» в сообщении ПП в значении «снова», «вновь», считал, что заголовок Правды Русской земли говорит об одном съезде сыновей Ярослава, а ст. 2 ПП — о другом.³⁸ И. А. Стратонов, поддержавший это мнение со ссылкой на «Историю Российской» В. Н. Татищева, предполагал, что первый съезд, где была составлена Правда, состоялся в 1036 г. в Киеве без участия Ярослава, находившегося тогда в Новгороде. Правда, созданная на нем, вводила «убиение за голову», а на втором съезде после смерти Ярослава смертная казнь была заменена штрафом, все остальное осталось по-прежнему. Уставление норм Правды он относил к 1036 г.³⁹

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151.

³⁸ Ланге Н. Исследование. . . С. 6, 103, 110, 114.

³⁹ Стратонов И. А. К вопросу. . . С. 402.

М. Н. Тихомиров доказал невозможность съезда в 1036 г., ссылаясь на малолетство детей Ярослава в это время.⁴⁰ К этому можно добавить, что слово «паки» переводится «снова», «вновь», «еще раз» только в церковнославянских текстах, но даже при таком переводе в ПП не содержится информации о втором съезде Ярославичей. Мы знаем, что на съезд собирались братья, сыновья Ярослава, родившиеся и какое-то время жившие вместе при его дворе в Киеве. Сообщение о том, что после смерти отца они вновь собрались вместе, не может восприниматься как указание на второй съезд. В гражданских же текстах «паки» является частицей, как правило непереводимой, подразумевающей значение «затем», «потом». В данном случае мы имеем «паки» в качестве частицы.⁴¹

Начиная с И. Диева высказывается мнение, что запись законов Ярослава его детьми надо относить к 1072 г. — времени съезда князей в Вышгороде.⁴² В наши дни против этого возразил Я. Н. Шапов, указавший, что на съезде в Вышгороде присутствовал широкий круг церковных деятелей, которые не могли не принять участия в уставлении законов, а раз Правда о них не упоминает, утверждение ее Ярославичами надо относить к другой их встрече.⁴³

Для нас точная дата «уставления» Правды Русской земли принципиального значения не имеет. Важно другое: на своем съезде, состоявшемся между 1054 (год смерти Ярослава) и 1073 (год ссоры братьев) гг., Ярославичи «установили» — зафиксировали в письменной форме — юридические нормы, действовавшие в период княжения Ярослава в Киеве, т. е. статьи 19—41 представляют собой нормы судебной практики Киевской земли 1016—1054 гг., а возможно, и более раннего времени, с небольшими, не меняющими их сути изменениями и дополнениями, применявшиеся и в последующие годы XI в.⁴⁴

Причиной совершенствования законодательства Ярославичами — замена смертной казни денежным штрафом — принято считать бур-

⁴⁰ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. С. 62.

⁴¹ Именно в таком качестве выступает «паки» и во всех приведенных М. Б. Свердловым примерах (см.: Свердлов М. Б. К истории текста. . . С. 152).

⁴² Диев И. О вирах у россиян X и XI ст. // Русский исторический сборник под ред. М. Погодина. М., 1837. Т. 1. Кн. 2. С. 61, 63.

⁴³ Шапов Я. Н. К истории Правды Ярославичей // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: К 100-летию С. В. Бахрушина. М., 1984. С. 256—257; Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. С. 37.

⁴⁴ Сделанный нами вывод не позволяет рассматривать статьи 19—41 КП как Правду Ярославичей, и мы сохраняем за ней название, под которым она записана в НПЛ — «Правда Русской земли»; М. Б. Свердлов, ссылаясь на то, что нормы статей 19—41 КП в ПП отнесены к законодательству Ярослава, предлагает рассматривать весь текст КП (статьи 1—41) как единый кодекс Ярослава, действовавший одновременно на всей территории Киевской Руси. По его мнению, Правда Ярославичей или не сохранилась, или ее как оригинального судейника не осуществовало вообще. Был только съезд Ярославичей, отменивший смертную казнь, и в соответствии с ним был отредактирован кодекс Ярослава (Свердлов М. Б. К истории текста. . . С. 152—155, 159). Приводимые нами в настоящей статье материалы не позволяют согласиться с этим предположением.

ные события 1068—1071 гг., в частности киевское восстание 1068 г.⁴⁵ Однако ответ на вопрос — почему Ярослав мог в судебной практике обходиться без письменной фиксации своих постановлений, а его сыновья не смогли — нельзя ограничивать только ссылкой на классовую борьбу. Необходимо учитывать, что в условиях Киевской земли в эпоху Ярослава великий князь был единственным источником права и центром суда, что обеспечивало безусловное его единообразие. После смерти Ярослава возникает триумvirат братьев, в котором власть старшего — великого князя Изяслава — уже не играла прежней роли. Возникают три центра суда. Необходимо единообразие судебных норм, применяемых во всех трех центрах, и порождает необходимость их письменной фиксации. Побудительной причиной «уставления» юридических норм судебной практики Киевской земли можно считать такое социально-политическое явление, как зарождающаяся феодальная раздробленность.

Нужно отметить и дополнение, которое Ярославичи на съезде внесли в законодательство отца, специально оговорив его — «яко оуставил Изяславъ». Это денежный штраф (80 гривен) за убийство старого конюха у стада. Будучи «уставленным» после съезда, оно не могло быть получено всеобщего значения.⁴⁶

Принципиально важным является вопрос о зоне действия Правды Русской земли. Здесь все исследователи были единодушны, считая, что утвержденное братьями законодательство их отца действовало на всей территории Киевской Руси. Только Н. А. Максимейко признавал его законодательством Киевской земли, которое, впрочем, быстро нашло применение в Новгороде.⁴⁷ Сегодня мы знаем, что в Новгородской земле феодальная вотчина и княжеский домеп, в частности, возникают только на рубеже XI—XII вв. Это значит, что юридические нормы, действовавшие в Киевской земле при Ярославе и направленные на защиту вотчинной администрации и имущества князя, на протяжении почти всего XI в. не могли распространяться на Новгородскую землю. Киевское законодательство Ярослава и его сыновей в это время было присуще только Киевской земле.

Обращаясь к Правде Русской (статьи 1—18 КП), отметим, что сложилась традиция связывать ее с именем Ярослава, опираясь на сообщение НПЛ под 1016 г.: «. . . давь имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сеи грамоте ходите; якоже списах вамъ, такоже дер-

⁴⁵ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. С. 65; Зимин А. А. К истории текста краткой редакции Русской Правды // Труды МГИИИ. 1954. Т. 7. С. 182; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 175—198.

⁴⁶ Нельзя согласиться с мнением М. Б. Свердлова, считающего, что рассматриваемый штраф «уставлен» Изяславом в период его княжения па Волыни при жизни Ярослава (Свердлов М. Б. К истории текста. . . С. 154). В этом случае, заменяя ивочным порядком «убиение за голову» денежным штрафом, сын не только покушался на прерогативу великого князя-отца, но просто нарушал действующий закон. Изяслав мог внести изменения в законодательство отца только после занятия великокняжеского стола.

⁴⁷ Максимейко Н. А. Опыт критического исследования. . . С. 35—37.

жите. А се есть правда руская. . .».⁴⁸ Отсутствие в документе упоминания князя, отсутствие норм, охраняющих вотчинную администрацию и регулирующих отношения между феодалами и феодально-зависимым населением, привело к тому, что в процессе исследования сложились три точки зрения на документ: ⁴⁹ 1) он является древнейшим догосударственным законодательством русских (В. Н. Татищев, Л. К. Гётц); 2) он представляет собой новое законодательство эпохи новгородского княжения Ярослав и возник в 1016 г. (И. А. Стратонов);⁵⁰ 3) он возник одновременно с Правдой Русской земли в 1072 г. как специфическое новгородское законодательство, предполагавшее, что оно будет дополнено киевскими юридическими нормами (Н. А. Максимейко). Из трех точек зрения в наше время сложилась одна достаточно абстрактная: нормы, заключенные в статьях 1—18 КП, «возникли еще до образования государства, касаются взаимоотношений лично свободных и вооруженных „мужей“ внутри „мира“, дружины или другого социального коллектива. Они выросли из старинных обычаев, а затем были закреплены в качестве правовых норм раннефеодального государства».⁵¹ Считается, что вышеуказанные нормы предшествовали нормам Правды Русской земли (статьи 19—41 КП), поэтому их принято называть Древнейшей Правдой. Нужно признать, что современная точка зрения на документ не разъясняет нам времени, места и обстоятельств его возникновения.

По мнению Н. А. Максимейко и М. Н. Тихомирова, проанализировавших языковые особенности Правды, слова «варяг», «колбяг», «гридин», «купчина», «изгой», «ябетник», «видок», «поручник», «извод», «мьзда», «скот» в значении денег являются терминами ярко новгородского происхождения, отсутствуют в Правде Русской земли и могут свидетельствовать о новгородском происхождении документа. Обращалось внимание на новгородский оттенок в употреблении терминов «русин» и «словенин».⁵²

Признавая эти аргументы достаточно весомыми, мы должны отметить еще две особенности Русской Правды. Первая — круг лиц, между которыми она регулирует отношения, ограничивается свободными «мужами», кроме них, еще в Правде присутствуют челядь и холопы. Только «мужик» является и субъектом, и объектом права. «Муж» — не просто свободный человек, главная его характеристика — владение собственностью: «хоромом», конем, оружием. Он способен сам платить большие штрафы за свои преступления. Челядь по своему положению относится к разряду собственности «мужей». Холопа можно «пояти», безнаказанно бить, материальную от-

⁴⁸ НЦЛ. С. 175—176.

⁴⁹ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. С. 51.

⁵⁰ М. Б. Свердлов вслед за И. А. Стратоновым, Л. В. Черепиним, А. А. Зиминим связывает «дарование» Русской Правды (статья 1—18 КП) с событиями 1015 г. в Новгороде и считает, что в ней были использованы нормы «Закона русского», отражавшие структуру и общественные отношения древнерусского общества столетней давности, что объясняется отставанием писаного права от норм общественной жизни (Свердлов М. Б. К истории текста. . . С. 138, 149).

⁵¹ Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. С. 36.

⁵² Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. С. 49—51.

ответственность за него несет господин. «Муж» может поехать на чужом коне, у него может быть обнаружено чужое имущество, но даже в этом случае вором закон его не называет. Эти особенности Правды стали той базой, на которой сложилось представление о возникновении ее еще «до образования государства» «из старинных обычаев». Представляется, однако, что аналогию «мужам» и «челяди» Русской Правды мы можем найти и в не столь отдаленном времени. Рассматривая сообщения летописей о событиях 1015—1016 гг. в Новгороде, о борьбе Ярослава Владимировича против Святополка, обратим внимание на необычную категорию населения Новгородской земли. В 1016 г. Ярослав, отпуская новгородских воинов из Киева, паделает их: «старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривне, а Новгородцомъ по 10 гривенъ всемъ».⁵³ Летописные «новгородцы» представляют собой особую категорию, не относящуюся ни к смердам, ни к сельской администрации, и получают самую высокую норму вознаграждения. В сообщении НПЛ о событиях 1015 г. в Новгороде, помещенном под 1016 г., мы вновь видим воинов-новгородцев, которые вступают в конфликт с варяжской дружиной, но ПВЛ термин «новгородцы» в этом сообщении расшифровывает термином «нарочитые мужи».⁵⁴ Археологические раскопки в Новгороде позволили создать достаточно детальное представление о его населении. С момента возникновения города и на протяжении X, XI, XII вв. все его население жило на усадьбах, граничивших друг с другом. Жители таких усадеб не могут быть признаны равными по своему положению. Население города по существу состояло из двух категорий — усадьбовладельцев и зависимого от них населения. Под «новгородцами», получавшими 10 гривен в 1016 г. и участвовавшими в конфликте с варягами в 1015 г., мы вправе понимать новгородских усадьбовладельцев. Их же по своему положению можно отождествлять с «мужами» Русской Правды. Вторую категорию новгородского населения можно сравнивать с «челядью» и «холопами» Правды.

Специфическая картина «населения» Русской Правды, которая легла в основу представления о ее «древнейшем», «догосударственном» происхождении, реально существовала в Новгороде в X, XI, XII вв., но существовала только в самом городе и не распространялась на всю Новгородскую землю, где мы видим другое население — смердов и возвышающихся над ними старост. Относить Русскую Правду только к очень отдаленным временам у нас, таким образом, нет оснований. Открывается дополнительная возможность считать ее документом новгородского происхождения. Необходимо сразу отметить, что в этом случае Правда не охватывала своими нормами все население Новгородской земли, а была законом для узкого круга «лично свободных и вооруженных „мужей“», в которых можно видеть новгородских усадьбовладельцев.

Вторая особенность Русской Правды — круг вопросов, которые разрешаются ею в отношениях между «мужами». Все нормы Правды

⁵³ НПЛ. С. 175.

⁵⁴ НПЛ. С. 174; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 140.

могут быть разделены на три группы: нормы, охраняющие честь «мужей» (статьи 2, 3, 4, 8, 9, 10, 17); нормы, наказующие оскорбление, сопровождающееся членовредительством, но близкие первым (статьи 5, 6, 7); нормы, охраняющие имущество «мужей» от взаимного посягательства на него (статьи 12, 13, 14, 15, 16, 18). В Правде отсутствует земельная собственность, у «мужей» нет вотчин, непонятен источник их существования. В свое время это также рассматривалось как основание для признания Правды «древнейшей», возникшей в дофеодалный период.

Теперь мы знаем, что в X и XI вв. в Новгородской земле вотчинное землевладение отсутствовало, господствовала корпоративная феодальная земельная собственность, новгородские «мужики» — усадьбовладельцы участвовали в организации государственного дохода, контролировали систему фиска и получали свою регламентированную долю дохода.⁵⁵ Отсутствие в Правде «феодалных» норм вполне соответствовало новгородской действительности X—XI вв.

Особое место в Русской Правде занимает ее первая статья: «Оубъеть моужь моужа, то мстыть братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоучадоу, любо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мстыя, то 40 гривенъ за голову; аще боудеть роусинь, любо гридинь, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изъгой боудеть, любо словенинь, то 40 гривенъ положить за нь».⁵⁶ Б. Д. Греков делил ее на две самостоятельные статьи. Вторую он начинал со слов «. . . аще не боудеть кто мстыя. . .» и считал ее позднейшей припиской 1016 г., распространившей на словен (новгородцев) льготы русинов (киевлян).⁵⁷

М. Н. Тихомиров объявил выделенную Б. Д. Грековым приписку бесполезной, не несущей в себе новой информации, и делил текст статьи по-своему. В словах «. . . аще изъгой боудеть, любо словенинь, то 40 гривенъ положить за нь» он видел позднейшее дополнение, осуществленное церковной властью с целью включить в число «мужей» изгоя, которого, по его мнению, особо защищала церковь.⁵⁸

С предложениями Б. Д. Грекова и М. Н. Тихомирова нельзя согласиться, так как статья устанавливает круг родственников, имеющих право мстить за убитого «мужа», указывает, в каком случае смерть убийцы может быть заменена денежным штрафом, и объясняет, кто относится к категории «мужей». Все три ее части дополняют друг друга и не имеют смысла одна без другой.

Наиболее сложна для понимания та часть статьи, в которой расшифровывается понятие «муж». Во-первых, «муж» — это человек, убийство которого карается штрафом в 40 гривен. Во-вторых, в этой статье принадлежность к категории «мужей» определяется не имущественными характеристиками, известными нам по последующим статьям, а этнической принадлежностью человека. Все, относящиеся

⁵⁵ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 281.

⁵⁶ Знаки расставлены в соответствии с публикацией: Правда Русская. Т. 1: Тексты. М., 1940. С. 70.

⁵⁷ Русская Правда / Под ред. Б. Д. Грекова. М., 1934. С. 4.

⁵⁸ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. С. 49, 74—75.

к категории «мужей», делятся на «русинов», «изгоев» и «словен». Под «русинами» мы вправе понимать жителей «Русской земли» — Поднепровья (варяги в Правде выступают под своим именем), под «словенами» — жителей Новгородской земли. Изгой и словенин относятся к категории «мужей» однозначно, без ограничений; русин же — в строго определенных случаях, если он «любо гридинъ, любо купчина, любо ябетникъ, любо мечпикъ», т. е. тогда, когда в данной местности, где действуют нормы Правды, он занимает государственную должность или присутствует в качестве купца.

Все, пытавшиеся понять в контексте статьи значение слова «изгой», до сих пор обращали внимание не на определение значения термина, а на поиск категорий населения, которые могли именоваться изгоями. При всем разнообразии высказанных мнений прослеживается общая тенденция видеть в изгое иностранца, изгнанника, полусвободного человека, оторвавшегося от своего рода, преступника, социального «экса». ⁵⁹ В этом случае его присутствие в ст. 1 Русской Правды среди людей, жизнь которых защищается самым высоким штрафом, представляется необъяснимым и наводит на мысль о позднейших вставках в текст статьи.

Для выяснения значения слова «изгой» необходимо обратиться к «Уставу великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых» — новгородской компиляции XIII в. В Уставе церковь берет под свое покровительство «изгойи трои: попов сын грамоты не умеет, холоп из холопства выкупиться, купец одолжастъ». ⁶⁰ Отсюда можно сделать вывод, что в отрыве от конкретного случая изгой — это человек, ранее занимавший определенное положение, а теперь в силу каких-либо обстоятельств вышедший из него (неграмотный попович выходит из духовного сословия, одолжавший купец перестает быть купцом, выкупившийся холоп перестает быть холопом, все они становятся изгоями). ⁶¹ Проявлений изгойства, таким образом, может быть бесконечное множество. Расшифровать слово «изгой» можно только тогда, когда оно непосредственно связывается с положением, ранее занимаемым изгоем.

В ст. 1 Русской Правды слово «изгой» следует за перечислением государственных должностей, которые должен занимать русин, чтобы входить в категорию «мужей». Из этого можно сделать вывод, что изгой Русской Правды — это человек южнорусского происхождения, ранее занимавший в данной местности государственные должности, теперь в силу каких-то обстоятельств переставший их занимать, но не покинувший эту местность. Не являясь словенином, он продолжает относиться к категории «мужей», его жизнь защищается 40-гривенным штрафом.

Смысл ст. 1 Правды может быть передан таким образом: если убьет муж мужа, то мстить за убитого (убить убийцу) имеют право брат, сын, племянники со стороны брата и сестры; если не найдется такого,

⁵⁹ См.: Правда Русская. Т. 2: Комментарий. М.; Л., 1947. С. 48—57.

⁶⁰ Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. С. 252.

⁶¹ Ср.: Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 249.

кто мстит, то убийца должен заплатить штраф 40 гривен «за голову». Если будет русин: или гридин, или купец, или ябетник, или мечник; если изгой (отставник, ранее бывший в данной местности гридином, ябетником или мечником) будет или словениц, то за его убийство штраф 40 гривен.

В статье устанавливаются условия, при которых русин может быть приравнен в своих правах к словенину, т. е. фиксируется ограничение прав русинов на территории, где действуют нормы Русской Правды. Такое положение вряд ли могло существовать в Киевской земле даже в самые отдаленные времена. В Новгороде же наряду с местной аристократией в X—XI вв. могла существовать администрация южнорусского происхождения, приходившая вместе с княжеским посадником из Киева и пополнявшая собой ряды новгородских «мужей». Это еще раз позволяет связать Русскую Правду с Новгородом.

Для установления времени и причин возникновения Правды мы должны вновь обратиться к ее ст. 1. Как мы видели, в ней зафиксировано положение, при котором убийца «мужа», если он тоже является «мужем», может быть убит строго определенным кругом родственников убитого. В случае, если среди родственников не окажется такого, кто мстит (т. е. все родственники не воспользуются своим правом), убийца должен заплатить 40 гривен «за голову». Есть возможность сравнить это положение с судебной практикой Новгорода конца X в., сведения о которой сохранились в скандинавской саге об Олаве, сыне Трюггви.

Сага рассказывает об Олаве, который мальчиком, оказавшись в Новгороде среди варягов при дворе Владимира Святославича, убил своего обидчика-скандинава. «В Хольмгарде (Новгороде) господствовал такой нерушимый мир, что, согласно закону, всякий, кто убил человека, не объявленного вне закона, должен быть убит. Поэтому весь народ бросился на поиски мальчика». Далее рассказывается, что княгиня обратилась с просьбой к Владимиру не убивать ребенка и заменить смерть вирой. Князь назначил виру. И его жена выплатила ее.⁶² Описанные события могут быть отнесены ко времени около 980 г., когда Владимир держал в Новгороде значительный варяжский контингент, готовясь к походу на Киев.⁶³

Признавая легендарный характер саги, мы должны отметить, что картина новгородского правопорядка изложена в ней очень подробно и убедительно. Убийца, кто бы он ни был по своему возрасту и положению, оказывался вне закона и должен был быть убит, причем убить его мог каждый житель Новгорода — «весь народ». Право заменить смерть вирой принадлежало князю.

Совершенно иную картину мы видим в ст. 1 Русской Правды. В ней «мужа-убийцу» имеет право убить не «весь народ», а ограниченный круг родственников убитого. Право заменить смерть денежным штрафом «за голову» принадлежит не князю, а самим родственникам,

⁶² Стурлусон Снорри. Круг земной. М., 1980. С. 101.

⁶³ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75—76.

если среди них не будет мстителя, и в какой-то мере убитому, если он сумеет склонить узкий круг родственников убитого к отказу от мести.

Таким образом, присутствовавший в Новгороде князь или княжеский посадник с момента введения Русской Правды в отношения между «мужами» не вмешивался, т. е. сам факт «установления» Правды надо связывать с выходом определенной категории новгородского населения из-под юрисдикции князя. Эта сторона Русской Правды сохраняла в Новгороде свое значение и в последующие века, когда зафиксированные в ней юридические нормы получили дальнейшее развитие. Русскую Правду можно отождествлять с одной из тех «Ярославских грамот», на которых новгородская аристократия заставляла клясться приглашенных в Новгород князей в XIII—XIV вв. Клятва князя означала его отказ от попытки вмешательства в дела «мира» новгородского боярства.

Из НПЛ и других летописей мы знаем, что княжеская дружина в Новгороде, будь она скандинавского, киевского или местного происхождения, содержалась на средства Новгорода «мира деля».⁶⁴ О мире между кем идет речь в летописях?

В. Л. Янин и М. Х. Алешковский, исследовавшие вопрос о происхождении Новгорода, пришли к выводу, что принципиальный конфликт на заре новгородской государственности, отраженный в НПЛ как «вста град на град» и в ПВЛ как «вста род на род», имел отношение к самому Новгороду.⁶⁵ Он мог возникнуть в политическом центре Новгородской земли в ходе борьбы за власть между кланами родоплеменной аристократии. Участниками конфликта в свете археологических материалов можно считать предков новгородских усадьбовладельцев с их родственниками и челядью. Выходом из создавшейся ситуации становится привлечение княжеской власти извне с целью «володеть... и рядить... по праву».

Конфликт не был исчерпан и во времена Святослава, когда новгородцы требовали от него князя, угрожая в противном случае найти его в другом месте (970 г.).⁶⁶

Владимир Святославич боролся за великокняжеский стол с опорой на варягов. Однако, когда в начале XI в. в такую же борьбу вступил Ярослав Владимирович, новгородские «мужи» проявили инициативу в поддержке планов князя, его уход в Киев не смущал их. Объяснить это можно тем, что в период княжения Ярослава Владимировича в Новгороде длительный процесс политической консолидации новгородского населения завершился. Основа исторического конфликта в Новгороде изжила себя. Заинтересованность в обязательном привлечении судебной и полицейской власти со стороны ослабла. В начале XI в. «мир» новгородских «мужей» «дорос» до самоуправления.

⁶⁴ НПЛ. С. 107; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24.

⁶⁵ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода: (К постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 52.

⁶⁶ НПЛ. С. 121; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69.

В НПЛ сообщение о наделении новгородцев Правдой и Уставом помещено под 1016 г. С позиций наших представлений о готовности «мира» новгородских «мужей» к самоуправлению в начале XI в. эта дата «уставления» Правды не должна вызывать возражений.

М. Х. Алешковский обращал внимание на использование в сообщении НПЛ под 1016 г. при описании Любечской битвы элементов текста ПВЛ с описанием Альтской битвы 1019 г. Указав, что в Софийской I летописи рассказ о наделении новгородцев Правдой и Уставом помещен под 1019 г., он предлагал считать временем создания Русской Правды 1019 г.⁶⁷

Хотя точная дата «уставления» Правды принципиального значения не имеет, следует отметить, что с 1019 г. ее связывать нельзя, так как, кроме Правды и Устава, Ярослав наделая своих воинов деньгами: старостам — по 10 гривен, новгородцам — по 10 гривен, смердам — по гривне, чего в 1019 г. он сделать не мог. Поход на Киев в 1018—1019 гг. был организован на деньги населения Новгородской земли, деньги эти были выплачены варягам, а своих средств князь не имел. Размер вознаграждения, зафиксированный в летописи, к 1019 г. не может иметь отношения, так как, собирая деньги для найма варяжского отряда в 1018 г., новгородские смерды платили по 4 куны, старосты — по 10 гривен, новгородские бояре — по 18 гривен.⁶⁸ Летописное вознаграждение в шесть раз превышало затраты смердов и составляло только половину затрат бояр. Из двух предлагаемых летописями дат «дарования» Правды — 1016 и 1019 гг. — мы должны выбрать первую.

На основании изложенного мы можем видеть в Русской Правде документ новгородского происхождения, свидетельствующий о выходе новгородского боярства из-под юрисдикции князя. Этот выход не был результатом борьбы с князем, а явился следствием зрелости «мира» новгородских «мужей» для самоуправления и поддержки с их стороны притязаний Ярослава Владимировича на киевский престол.

М. Б. Свердлов показал, что источником большинства статей Русской Правды могли быть нормы «Закона русского».⁶⁹ С учетом их использования Русская Правда может рассматриваться как «древнейшая», однако в результате «уставления» — записи норм, вызванной передачей княжеского права суда над новгородским боярством самим новгородским «мужам», — возник документ, отразивший политическую ситуацию в Новгороде начала XI в. Как документ Русская Правда не «древнейшая», а новгородская Правда. Важнейшие ее нормы определялись спецификой исторического развития Новгорода и не могли использоваться в Киеве.

В целом в Киевской Руси в XI в. действовали две системы права. Экономической основой одной из них — киевской — было княжеское вотчинное землевладение, основой другой — новгородской — корпоративная боярская земельная собственность.

⁶⁷ См. указанную в примеч. 35 рукопись статьи М. Х. Алешковского.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143.

⁶⁹ Свердлов М. Б. К истории текста. . . С. 139—146.

В тексте НПЛ до нас дошли четыре самостоятельных, «установленных» в XI в. документа. Три из них — «Правда Русская», «Покон вирный» и «Урок мостникам» — являются законодательными актами новгородского происхождения и никогда не могли применяться в Киеве. «Правда Русской земли» — документ южнорусского происхождения, его нормы могли найти применение в Новгороде только с возникновением там княжеского доменального землевладения.

Объединение документов в «Краткую редакцию Русской Правды» произошло в новгородском летописании и не преследовало каких-либо практических целей, следов редактирования их с целью кодификации в летописи мы не находим.

Термин «Краткая редакция Русской Правды» следует считать условным названием четырех самостоятельных документов, донесших до нас богатый материал как по истории Новгорода XI в., так и по истории становления боярско-республиканского строя в Новгородской земле.